

УДК 343.97

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ПРЕСТУПНИКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

©*Сапрунова Я. Р., Томский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия, yana.saprunova@yandex.ru*

THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE SUBCULTURE OF CRIMINALS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

©*Saprunova Ya., National research Tomsk state University,
Novosibirsk, Russia, yana.saprunova@yandex.ru*

Аннотация. Результаты исследования показали, что система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличается от господствующей в обществе культуры. Можно констатировать, что в конце XIX — начале XX века в связи с появлением устойчивой системы тюремного содержания были заложены основы того, что позже стало трактоваться «воровским законом». В это время формируется и устойчивая криминальная иерархия в среде заключенных по различным основаниям. Кроме того, субкультура выступала мощным фактором самовозобновления и омоложения преступности. Несовершеннолетние преступники в силу своей психологической незрелости, отсутствия должных моральных установок легко поддаются антиобщественной идеологии.

Влияние на личность преступника со стороны других преступников в условиях лишения свободы представляет собой концентрированное отрицательное явление. Характеризуя механизм воздействия на осужденного, среды его нахождения в процессе взаимодействия происходит обмен, усвоение неофициальных норм поведения, традиций, в результате чего он теряет своеобразие и становится подобен большинству, пребывающему там значительный промежуток времени. В изоляции от общества наблюдается деградация личности, стигматизация преступника, что сильно ослабляет чувство собственного достоинства и затягивает его еще глубже в преступную карьеру.

Abstract. The results of the study showed that the system of values, attitudes, ways of behavior and lifestyles of a certain social group differs from the dominant culture in society. It can be stated that at the end of the XIX — early XX century, due to the emergence of a stable system of prison detention, the foundations of what was later interpreted as “thieves’ law” were laid. At this time, a stable criminal hierarchy is formed among prisoners on various grounds. In addition, the subculture was a powerful factor in the self-renewal and rejuvenation of crime. Juvenile criminals, because of their psychological immaturity, lack of proper moral attitudes, are easily amenable to anti-social ideology.

Impact on the identity of the offender from other offenders in terms of the deprivation of liberty constitutes a concentrated negative phenomenon. Describing the mechanism of influence on the convict, the environment of his stay in the process of mutual communication is an exchange, the assimilation of informal norms of behavior, traditions, as a result of which he loses his originality and becomes similar to the majority who are there for a considerable period of time.

In isolation from society, there is a degradation of the individual, stigmatization of the offender, which greatly weakens the sense of self-esteem and draws him deeper into a criminal career.

Ключевые слова: криминальная субкультура, преступность, преступление, уголовное наказание, лишение свободы.

Keywords: criminal subculture, crime, crime, criminal punishment, imprisonment.

Любое общество имеет некоторое внутреннее разнообразие, вследствие чего господствующая в нем культура в различной мере присуща его членам и не носит универсального характера. Более того, с древности существовали группы людей, формировавшие специфические ценности, принципы и правила поведения, отличающиеся от общепринятых и даже противостоящие им. Этим обстоятельством объясняется возникновение понятия «субкультура» (от англ. *subculture* — *подкультура*).

Социологи называют субкультурой систему ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающуюся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанной с ней. Субкультурные группы делят часть элементов с господствующей культурной традицией (цивилизацией), но при этом сохраняют и собственные нормы поведения, и ценности, отличающиеся от ведущей (эталонной) культурной традиции. Носителями субкультур являются прежде всего профессиональные группы, занимающие различное положение в системе разделения труда и потому культивирующие развитие специфических личностных черт у своих членов. Криминологический интерес в этой связи представляет субкультура преступного мира, без которой, по мнению В. Ф. Пирожкова, не может существовать преступность, а также молодежная субкультура, без которой не может быть рекрутирования новых членов в любые социальные группы.

В отечественных условиях приоритет криминальной субкультуры определяется тем, что в течение многих веков только преступные сообщества выступали коллективными субъектами, противостоящими системам тотального контроля над личностью и ограничения свободы: вначале общинного и сословного; потом государственно-бюрократического и церковного (позже — партийно-идеологического). С одной стороны, всякая эмансипация личности сопровождалась в этой системе неизбежными санкциями, а то и попросту стигматизировалась как преступная, заслуживающая именно наказания силой государственной власти. С другой стороны, лица, не обладающие достаточными знаниями и жизненным опытом, прежде всего подростки и молодежь, под влиянием соответствующих образцов поведения, ценностей и традиций демонстрируют делинквентное поведение и усваивают поведенческие стандарты профессиональных преступников. Поэтому криминальная субкультура выступала раньше и ныне выступает мощным фактором самовозобновления и омоложения взрослой преступности, расширения ее социальной базы [1, с. 36–37]. Несовершеннолетние преступники в силу своей психологической незрелости, отсутствия должных моральных установок легко поддаются антиобщественной идеологии. Агрессивность и неповиновение выступает как средство для повышения своего статуса в кругу друзей, а чрезмерная демонстрация уверенности в себе провоцирует подростка на совершение противоправных действий. Развитие криминальной субкультуры обуславливает антиобщественное и криминальное поведение несовершеннолетних, их система ценностей и жизненных стилей имеет ярко выраженную противоправную направленность [2, с. 292].

Изучением криминальной субкультуры занимались видные отечественные криминологи еще в XIX в.: Д. А. Дриль, М. Н. Гернет, П. И. Люблинский и другие. Очевидно, что уже тогда понималась социальная опасность распространения криминальной субкультуры среди обычных граждан, и, надо сказать, благодаря вышеназванным, а также ряду других ученых такая опасность воспринималась как реальная. Однако по характеру проведенных исследований делается достаточно революционный в то время, но, тем не менее, не однозначный (с точки зрения сегодняшнего дня) вывод о том, что для исправления ситуации и ликвидации негативных последствий от преступных проявлений, включая криминальную субкультуру, достаточно улучшить отношение общества к преступникам и провести гуманизацию отбываемого осужденными наказания [3, с. 105].

В конце XIX столетия в России в связи с установлением продолжительных сроков отбывания наказания в тюрьмах началось формирование иного мира преступников, существование которых в жестких условиях предопределило их консолидацию с целью обеспечения собственной безопасности и выживания. Наиболее активно этот процесс проходил в среде закоренелых преступников. Неизбежность борьбы между различными сформировавшимися группами и категориями преступников была обусловлена прежде всего, условиями содержания преступников и методами воздействия на них со стороны персонала тюрем. Крайне ограниченные возможности удовлетворения потребностей, особенно в еде, одежде, надлежащем отношении со стороны надзирателей и тюремных чиновников, создавали предпосылки разделения массы заключенных по различным основаниям. Как правило, исходя из условия и отношения к преступникам со стороны окружения, в свои группы объединялись убийцы, разбойники, мошенники и т. д. В дальнейшем среди них также стало происходить разделение, которое во многом зависело от количества содержащихся в тюрьме заключенных, по религиозным, земляческим и другим признакам. Вместе с тем в то время тюрьма, как известно, являлась местом отбывания наказания как для закоренелых преступников, во многом порожденных социальным строем, так и для людей, совершивших малозначительные преступления [4, с. 60–61]. Отсюда разделение массы преступников неизбежно связывалось с выработкой определенных признаков ценностей, позволяющих той или иной подгруппе быть замкнутой, выделяться в сообществе или даже доминировать в нем.

Преступный мир дореволюционной России был весьма разнообразен как по социальному составу преступников, так и по занимаемому ими в криминогенной среде положению, а также способу противоправной ориентации. В связи с этим в конце XIX столетия в местах лишения свободы в среде заключенных сформировалась своеобразная иерархия. Ее составляли в основном четыре касты преступников, объединенных по убеждению, в основе которого лежала криминальная квалификация и, исходя из этого, положение в уголовной среде, которое к тому времени стало иметь большое значение. Не последнюю роль в этом играли и физические возможности преступника. Такие преступники зачастую распоряжались даже жизнями отдельных осужденных, были их своеобразными судьями и вершителями их судеб. Конечно, они неизбежно формировали и устанавливали правила поведения для других заключенных. Собственно преступный мир в дореволюционной России развивался характерными путями, уже в конце XVII, начале XVIII века в России стихийно складывается корпорация бродяг, далее стремительное развитие привело к тому, что это были уже далеко не корпорации, а целые селения воров и разбойников.

Профессиональная преступность связана с деятельностью определенной группы людей, передачей ими опыта другим поколениям преступников. Таким образом, утверждается

специфическая субкультура, где вполне закономерным выглядит стремление преступников, с одной стороны, выживать в конкретных, непростых, порой жестоких социальных условиях, а с другой — оправдывать такое свое поведение в глазах других людей, особенно склонных к такому образу жизни. По мнению Ю. М. Антоняна, влияние на личность преступника со стороны других преступников в условиях лишения свободы очень своеобразно, так как представляет собой концентрированное отрицательное явление [5, с. 112]. Характеризуя механизм воздействия на осужденного среды его нахождения, Н. Г. Шурухнов подчеркивает, что в процессе взаимообщения происходит обмен личностными свойствами, усвоение неофициальных норм поведения, традиций, в результате чего осужденный теряет своеобразие и становится подобен большинству, пребывающему там значительный промежуток времени [6, с. 29]. Как отмечает известный немецкий ученый Г. Й. Шнайдер, при исполнении наказания, связанного с лишением свободы, наблюдается деградация личности, стигматизация преступника, что сильно ослабляет чувство собственного достоинства заключенного и затягивает его еще глубже в преступную карьеру. Заключенные превращают друг друга (с помощью насилия) в жертву в социальном, психическом, половом и телесном отношении [7, с. 421].

Преступник, как правило, не изолированный субъект, противопоставивший свои интересы общей воле, закрепленной в законах, и не рассчитывающий ни на что, кроме преследования и осуждения окружающих. Как правило, лицо, систематически совершающее преступления, а тем более ведущее криминальный промысел, уже более или менее успешно замещает в своем сознании ценности общей воли ценностями группового престижа и групповой солидарности, т. е. ценностями криминальной субкультуры [8, с. 15].

Полноценно строгая система взаимоотношений сложилась к началу XX века, состояла данная система из следующих сословий. Наивысшим титулом для заключенных выступала опытная, ловкая, хитрая криминальная личность — «бродяга» или «Иван», два определения были допустимы (1, с. 72). Второе сословие, которое можно выделить — «храпы», любители раздуть конфликты, затеять нечто незаконное, но при этом оставаться в тени. Третье сословие — «жиганы». Это самая многоликая и разрозненная категория. К этой категории относились лица, которые нарушили правила, традиции, обычаи, например, не уплатили проигрыш в карты, а также с определенной противоправной ориентацией (мошенники, насильники и т. д.). Самую последнюю ступень в иерархии занимала «шпанка», данное сословие состояло из крестьян, над которыми издевались представители всех других сословий, приведенных выше. Вне тюремных условий такой ярко выраженной, строгой дифференциации не существовало. В преступных сообществах устанавливались определенные неформальные нормы поведения, однако они, по утверждениям исследователей, не выходили за рамки данной микрогруппы.

В процессе анализа исторических источников нами не выявлено случаев, когда свойственные определенной неформальной группе нормы поведения, действовали бы на значительной территории страны и были бы обязательны для иных неформальных образований преступников. Таким образом, можно констатировать, что в конце XIX — начале XX века в связи с появлением устойчивой системы тюремного содержания были заложены основы того, что позже стало трактоваться «воровским законом». В это время, по сути, формируется и устойчивая криминальная иерархия в среде заключенных, причем по различным основаниям.

Обобщенный экскурс в историю формирования субкультуры преступников указывает, что к концу XIX века прослеживалась дифференциация уголовного сообщества, отдельные категории которого были связаны друг с другом жесткими неформальными нормами, и

зачастую эти нормы превращались в подобие «закона», который, хотя и не объединял весь уголовный мир страны, но имел определенное значение в ряде тюрем. Определенная иерархическая структура имеет место в исправительных учреждениях, а деление осужденных происходит по неформальным социальным группам, каждая из которых занимает определенное место в тюремном сообществе. Переход из одной группы в другую чрезвычайно редок и затруднен, а для представителей низших слоев вообще невозможен: они стигматизируются навсегда, клеймо отвергнутого сообществом следует за ними и после освобождения от наказания [9, с. 437].

Необходимо отметить, что в дореформенный период степень профессионализации преступности была относительно низкой, и, соответственно, в ней преобладали насильственные преступления, что отражало наличие ценностей того времени. В послереформенный период в структуре преступности обозначилась тенденция смешивания и постепенного перехода преступного мира от насильственных преступлений к корыстным. На рост такой преступности оказывало влияние, прежде всего экономическое положение граждан страны, реформы, проводимые царским правительством. Происходил процесс обнищания и разорения народа. Отсюда рост преступности как следствие социальных проблем в обществе. Увеличение числа преступников, их вынужденное переселение в районы Сибири, Дальнего Востока стимулировало брожение в их среде, где одним из результатов явилось и формирование определенной субкультуры у определенного круга людей.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что субкультура в среде изолированных от общества преступников дореволюционной России во многом определялась экономическим состоянием страны, отношением общества к тем или иным ценностям, появлением класса богатых — буржуазии. Поэтому вполне закономерным выглядит стратификация в преступной среде, появление различных групп, образований, причем по признакам, имеющим значение именно в этой среде. Изменяются ценности в обществе и система экономических отношений — видоизменяются и элементы субкультуры у изолированных от общества преступников.

Источники:

- (1). Пикуль В. С. Каторга. М.: Современник, 1991. 320 с.

Sources:

- (1). Pikul, V. S. (1991). The Caturgue. Moscow, *Sovremennik*, 320.

Список литературы:

1. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь: Приз, 1994. 135 с.
2. Минстер М. В. Современные тенденции развития криминальной субкультуры и ее негативное воздействие на преступность несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. 2017. №6 (19). С. 290-299.
3. Калпинская О. Е. Особенности возникновения и развития организованной преступности в дореволюционной России // Юриспруденция. 2010. №4. С. 103-108.
4. Детков М. Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. 119 с.
5. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника. Неблагоприятное влияния на личность в микросреде. М.: РИО Акад. МВД СССР, 1975. 160 с.

6. Барабанов Н. П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2014. №2. С. 28-36.

7. Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем.; под общ. ред. и с предисл. Иванова. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Универс», 1994. 504 с.

8. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. 514 с.

9. Минстер М. В. Субкультура женщин, осужденных к лишению свободы, и ее влияние на исправительное воздействие // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. №4. С. 433-442.

References:

1. Pirozhkov, V. F. (1994). Laws of the criminal world of youth (criminal subculture). Tver, *Priz*, 135.

2. Minster, M. (2017). Modern trends of development of criminal subculture and its negative impact on juvenile delinquency. *Bulletin of Science and Practice*, (6), 290-299 doi:10.5281/zenodo.808841.

3. Kalpinskaya, O. E. (2010). Osobennosti vozniknoveniya i razvitiya organizovannoi prestupnosti v dorevolyutsionnoi Rossii. *Yurisprudentsiya*, (4), 103-108.

4. Detkov, M. G. (1994). Punishment in tsarist Russia. System of its execution. Moscow, 119.

5. Antonyan, Yu. M. (1975). Social environment and the formation of the criminal's personality. Adverse effects on the individual in the micros environment. Moscow, RIO Akad. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 160.

6. Barabanov, N. P. (2014). The Criminological and Psychological Characteristics of the Criminal Subculture of the Convicted. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*, (2). 28-36.

7. Schneider, G. J. (1994). Criminology. Trans. with him. Under the Society. Ed. and with the pref. Ivanova. Moscow, Publishing group Progress - Universe, 504.

8. Foynitsky, I. Ya. (1889). The doctrine of punishment in connection with prison education. St. Petersburg, 514.

9. Minster, M. V. (2017). The subculture of women sentenced to deprivation of liberty, and its influence on corrective influence. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo*, 12(4). 433-442.

*Работа поступила
в редакцию 27.04.2018 г.*

*Принята к публикации
07.05.2018 г.*

Ссылка для цитирования:

Сапрунова Я. Р. Возникновение и эволюция субкультуры преступников в дореволюционной России // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №6. С. 279-284. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/sapronova-1> (дата обращения 15.06.2018).

Cite as (APA):

Saprunova, Ya. (2018). The origin and evolution of the subculture of criminals in pre-revolutionary Russia. *Bulletin of Science and Practice*, 4(6), 279-284.